

Не бойся, Тима.

Хорошо гостить в деревне! Лес, Луга, поля, разные птицы поют. А воздух! Разве можно его сравнивать с городским? Только стоит перейти реку, на угорах краснеет клубника. Ешь, сколько хочешь. А в лесу маслята, обабки и даже белые грибы. А главное : можно бегать где хочешь, играть в самые разные игры и просто беситься и орать. К вечеру так умаешься, что, добравшись до постели сразу засыпаешь. Бабушка, почему-то каждый вечер посылает в баню и заставляет с мочалкой мыть колени.

Зимой в деревне тоже очень здорово. Почти целый день Тима с деревенскими ребятами строили крепости, а потом воевали. Погода была тёплая, и одежда у Тимы вымокла так, что, когда он пришёл домой, дедушка сразу послал его в баню.

– Иди пока стаскивай с себя эту мокрятину, я возьму полотенца, бельё и тоже подойду, - сказал он.

– А я боюсь, - неожиданно ответил внук.

– Вот так фунт изюму! Вот так вояка! – удивился дед. – Ты же летом постоянно ходил колени мыть.

– Летом было светло, а сейчас в темноте там бабайка сидит, - вполне серьёзно объяснил Тима.

– Что это ты выдумал, трусишка? – сказал дед. - Там же свет горит.

Тима сел на порог и, молча, стал дожидаться деда.

– Ну, показывай, где тут сидит бабайка? – спросил дедушка, когда они вошли в предбанник.

– Не знаю, - ответил внук и шмыгнул в жарко натопленную баню.

– Бабайка. бабайка, - бубнил дед. помогая внуку раздеваться. Аты знаешь. кто такой бабайка? – неожиданно спросил он.

Тима отрицательно замотал головой.

– Ну вот, не знаешь, а боишься. продолжал дед. – У татар бабаем называют дедушку. А дедушку, разве можно бояться?

Обескураженный Тима. сбросив последнюю одежонку, сел на полог и захихикал. Дедушка разделся. аккуратно развесил на верёвочку мокрую Тимину одежду и. сев рядом с внуком, спросил:

– Чувствуешь, как свежим веником пахнет? Вот немного погреемся и будем из тебя хворь выгонять.

– Какую хворь? – удивился внук.

– А ты ночью что-то покашливал и сегодня вон как вымок, так что, и для профилактики надо тебя хорошо пропарить.

– Ой, я боюсь, - весь скорчившись, пропищал Тима.

– Опять , боюсь, – возмутился дед. – Только что никого и ничего не боялся, храбро штурмовал крепость, а тут затрусил. Я вон старенький и то, для поддержания здоровья, готов на всё. Давай, чтоб не ошпарить тебя, присядь на корточки у дверей, а я поддам пару.

Когда маленькая банька наполнилась горячим паром, дедушка уложил Тиму на полог и стал махать над ним горячим душистым веником. Потом, наклонившись над внуком, стал похлёстывать худенькое тельце веником, периодически для нагрева поднимая его кверху. Пропарив спину, попу и грудь, дед снова попросил внука присесть у порога и, ещё поддав пару, напарился сам.

– А теперь пойдём, погуляем, - предложил дедушка и направился из бани.

– Там же холодно, снег, - испугался Тима.

– А ты представь, что шага ешь по горячему песочку, - посоветовал дед, вышагивая между сугробов.

Тима, высоко поднимая колени, последовал за дедушкой.

После прогулки они ещё немного попарились, и дед на несколько секунд открыл двери, чтоб снизить температуру воздуха в бане.

- Когда я был маленьким, меня брат учил не бояться, - начал рассказывать дедушка, наливая воду в тазики.

– Это как? – заинтересовался внук.

– Жили мы тогда в городе, но в частном доме с туалетом во дворе. Днём-то я смело везде бегал и в огороде, и на улице, а вечером, когда становилось темно, почему-то боялся выйти в туалет и просил сходить со мной брата. Скоро ему это надоело, и он посоветовал мне, чтоб не бояться, громко петь песни. Я прислушался к совету и, выходя во двор, стал что есть мочи орать:

- «Три танкиста три веселых друга - Экипаж машины боевой».

– Ну и как? – поинтересовался Тима.

– Во-первых, я не слышал ни каких шорохов, а во-вторых, разве можно под такую песню бояться? Ты знаешь эту песню?

– Нет, не знаю, - ответил внук.

– Ну, братец, придётся с тобой разучить эту песню, продолжал дед, может она и тебе поможет стать смелее.

Внук засмеялся, намыливая голову.

– Тогда жизнь была спокойная, – вспоминал дед, - а вот когда началась война, стало на много сложнее. Мама и брат, как и папа, тоже стали работать. Помню как-то сестра уехала к бабушке в деревню, и я остался дома один. Почему-то все ушли в ночную смену. Работали тогда по двенадцать часов, с восьми до восьми.

Был разгар лета, и я долго с ребятами играл на улице, пока их не позвали домой. Меня никто не звал, и я пошёл в наш садик, где поспела ирга. Забравшись на забор, чтоб было легче дотягиваться до зрелых ягод, я объел один куст. То же самое проделал с другим. Солнце торопливо пряталось за дома, и в нашем садике стало как-то мрачно и грустно. А на крышах по-прежнему продолжался день. Мне не хотелось прощаться с днём и я забрался на крышу. Бардовая железная крыша приятно грела босые ноги. Я поднялся на самый верх и, усевшись возле трубы, был очень доволен, что у меня продолжается день. Днём на раскалённой от солнца крыше я бы, конечно не смог усидеть. Неожиданно для себя я обнаружил, что могу без боли в глазах смотреть на угасающий диск солнца, который прятался за дальними домами. Вот и на крыше кончился день. Тут мне совсем стало грустно. А когда я спустился в полумрак двора, мне даже стало страшно. Нарушать вечернюю тишину оранием песен мне почему-то не хотелось. Я почти бегом забежал домой и лёг в постель. В комнате было совсем темно и, мне казалось, что вот-вот кто-нибудь полезет через едва светящиеся окна. От страха я с головой накрылся одеялом, но ещё долго не мог уснуть .

А на следующий день я был на много умнее.

– Это как? – спросил Тима, когда дедушка обкатывал его прохладной водой.

– А вот так. С улицы я ушёл, как только позвали домой ребят. В огороде у бочки с водой вымыл ноги, потом на кухне съел оставленный мне ужин. Солнце уже садилось, но дома ещё было светло. Я лёг спать и, наверно, с полчаса слушал по радио хороший концерт, а потом сам не заметил, как уснул.

– Расскажи ещё что-нибудь, дедуля, попросил Тима, отдыхая после бани на диване.

– Жить в войну становилось всё труднее и труднее,
- продолжал дедушка.

Появились люди, живущие за счёт других. Одним словом – воришки.

Была весна. Мы ожидали от любимой козочки Таньки, которую я всё лето пас на верёвочке по обочинам дорог и межам среди картофельных полей, маленьких козлят. И вот в одну страшную ночь её у нас украли, зарезав прямо в сарае и выбросив вместе с кишками двух не родившихся козлят. Утром мама с плачем прибежала из конюшни,. Через пять минут родители вынуждены были уйти на работу, а сестра в школу. Я остался один. Было ещё темно, и мне казалось, что везде прячутся вору и разбойники. Дождавшись рассвета, я пошёл на кухню, чтоб поесть. Вдруг что-то сильно тумкнуло, содрогая весь дом. Мне показалось, что кто-то пытается выбраться из подполья. Я с силой упёрся ногами в ставень подполья а плечами в выемку шестка русской печи.

– Ни за что не выпущу, - решил я.

Так простоял я очень долго. Вдруг снова вздрогнул наш дом. Тут я догадался, что это в Мотовилихе испытывают очередную пушку. Но находиться дома мне всё равно было как-то не по себе. Я схватил портфель и выбежал на улицу, хотя до начала занятий в школе было ещё часа два или три. Потом, когда немного подрос, я даже спал на сеновале в том самом сарае, где злодеи жестоко расправились с нашей козочкой.

– Ты что, перестал бояться? – спросил внук.

– Люди чего-нибудь могут бояться, всю жизнь, но надо уметь побеждать страх, - пояснил дед.

– А ты побеждал?

– Старался.

– А как?

Мы с сестрой часто ездили в гости в деревню к бабушке. Когда я подрос, стали ездить по очереди. Я стал ездить один без сопровождающих. При посадке на поезд народу было так много, что очень трудно было забраться в вагон. Больше половины дороги приходилось ехать стоя на ногах, а поезд шёл четыре часа. Потом ещё надо было тринадцать километров пройти пешком. Десять километров ночью по узкоколейке шла колонна человек тридцать, а может и больше. Дойдя до Зюкайки, все куда-то расходились. Мне же надо было идти ещё три километра. Ночи летом короткие и светлые. Я спокойно совершенно один шагал по плотине Зюкайского пруда. Вдруг у самой плотины что-то бултыхнуло. «Наверно русалка», - подумал я, замедлив ход. На пруду то тут, то там булькнуло ещё. Я сообразил, что это плещется рыба. Пройдя по плотине, я мимо деревни Заболотное выходил на полевую дорогу. Тропинка вела мимо бани. Вдруг в бане что-то стукнуло. Я вздрогнул, но шагаю дальше, хотя не свожу глаз с бани. Сам напряжённо думаю, что же это могло быть? Наконец, прихожу к выводу, что я наступил на какую-то палку, другой конец которой ударил по стенке предбанника. Успокоившись, перехожу ручеёк. Иду по открытому полю. Впереди два перелеска и за ними бабушкина деревня Каменка. Но что это? В перелеске загорелся огонёк.

– Это, наверно, какой-то разбойник закурил, поджидая меня, – подумал я. – Но не поворачивать же обратно.

С опаской вхожу в перелесок, а огонёк опять впереди.

– Значит, меня ждут там, - соображаю я, но продолжаю идти.

Вот вхожу в страшный лес, а огонёк снова впереди меня. Только тут я догадался, что это светится окно

сторожки на конном дворе. В Каменку провели телефон, и в перелесках вырубил мешавшие деревья. Вот и стало за километр видно светящееся окно маленькой избушки, в которой когда-то дежурил мой дедушка. Почувяв меня, залаяли Каменские собаки. Вот и кончились мои страхи.

– И ты совсем перестал бояться, - заключил Тима.

Дедушка громко засмеялся, а потом вполне серьёзно сказал:

– Я же тебе говорил, что страх это очень не приятное чувство. Иногда оно близко к панике, а иногда к осторожности. Конечно, лучше когда к осторожности. Это помогает выживать в опасные моменты, а паника редко кончается добром. Вот, помню, гостил я в деревне в зимние каникулы. Настала пора возвращаться в город. Если со станции народ шёл толпой в одно время, то к поезду, который проходил ночью, добирались по одиночке, кому когда было удобно. Темнеет зимой рано, и мы, обычно, выходили из дому почти в полдень. Потом, добравшись до станции очень долго ждали поезд.

Пока я гостил у бабушки, её навестила тётя Кия, которая собиралась ехать в город. Мы договорились с ней, что поедem вместе.

Двоюродные братья проводили меня по ледовой дороге до деревни Чурбышево, где жила тётя Кия.

- Вон по той тропинке поднимешься в гору и выйдешь прямо к тётиной избушке, сказал Гера,

Ребята попрощались со мной и повернули домой.

Я поднялся к избушке, но тётя Ки дома не оказалось. На следующий день начинались занятия в школе, и мне ничего не оставалось, как идти на станцию одному. Когда я выбрался на зимнюю дорогу, наезженную вдоль узкоколейки. солнце начало склоняться к горизонту. Я понял, что засветло мне не добраться до станции, но продолжал идти. Больше всего меня пугали

волки. Их в то время развелось так много, что они передавили почти всех деревенских собак. Очень часто во второй половине зимы поднимались сильные метели, и заносило все дороги. На борьбу с этим бедствием вдоль узкоколейной железной дороги ставили снегозащитные щиты. Щиты приготовили, но почему-то не установили. Ещё вдоль дороги были набросаны деревянные колья, с помощью которых как-то закреплялись щиты.

От деревьев падали длинные голубые тени, и было очень красиво. Слева в низине за леском пряталась какая-то деревенька. Справа вдали на открытом постепенно возвышающемся поле стояла ветряная мельница. Раньше я не замечал этого сооружения. Как в сказке, крылья мельницы медленно вращались. Вдруг я заметил, что по полю от мельницы мне наперерез бежит волк. Я невольно приостановился и стал соображать. Волк почему-то бежал не на меня, а наперерез, то есть перпендикулярно моей дороге. Внимательно осмотрев колья, лежащие вдоль дороги, я решил защищаться. Колья были большие, как жерди, и тащить такое оружие к месту встречи с хищником мне не хотелось, но я всю дорогу выбирал и намечал, какую дубину схвачу для обороны. Зверь двигался быстрее меня и к месту нашей встречи пришёл первым. К моему удивлению, он не повернул на меня, а пересёк мою дорогу и побежал дальше. Только тут я разглядел, что это была обыкновенная дворняга с закрученным кверху хвостом. Оказалось, что она бежала по дороге от мельницы в деревню, что пряталась налево за леском.

Когда я проходил остаток пути по лесной дороге в полной темноте, я убеждал себя, что волки очень редко набрасываются на людей, а разбойники в зимнюю стужу тоже не будут подкарауливать свою жертву сидя в лесу.

Вот во время войны, конечно, было очень страшно, но солдаты применяли всё своё умение, прилагали всю силу воли, чтоб уничтожить врага, а самому остаться живым.

Вот, как будущему солдату, расскажу тебе один случай из мирной солдатской жизни.

Был у нас в части склад горюче-смазочных материалов. Он, конечно, охранялся. Пост там был самый не удобный. Рядом со складом были заросли каких-то кустарников. Был бы я командиром части, давно бы приказал их вырубить, чтоб у часовых был лучше обзор. Прямо скажу, что обходить охраняемый объект было жутковато: с одной стороны изгородь склада из колючей проволоки, а с другой подозрительные кусты. И вот один раз часовой обходя склад, услышал в кустарнике подозрительное тяжёлое дыхание.

– Стой! Кто идёт! – крикнул часовой.

Ответа не последовало.

– Стой! Стрелять буду! – предупредил солдат.

Из кустов послышался странный звук: словно кто-то стукнул железом по железу. Не раздумывая, часовой вскинул карабин и выстрелил на звук. В ответ раздался дикий визг, треск кустов, бряканье железа, а потом стон и храп.

Когда на выстрел прибежала смена караула, с помощью фонарика в кустах обнаружили крупную умирающую свинью.

Не далеко от склада при части была маленькая свиноферма. Вот, от туда каким-то образом сбежала эта хрюшка. Прогуливаясь в кустах, она пятаком рыла дернину и брякала валяющимися там железяками. А ведь мог вместо хрюши оказаться настоящий диверсант.

Часового наградили отпуском, а у всей части был праздник – ели плов из свинины.

Так что и ты, Тима, смело иди по жизни и ничего не бойся.